

М.Э. Рут
Екатеринбург

**Факторы формирования коннотативных смыслов имени:
Екатерина и производные**

В архаической культуре имя являлось неотъемлемой частью человека. Считалось, что оно отражает истинную или желаемую сущность своего носителя, и выбор имени ориентировался на целый ряд ценностных и мировоззренческих установок. В настоящее время имя для человека тоже выбирается не случайно, а в соответствии с тем заданием, которое оно должно выполнять, например, в соответствии с христианскими догмами – отгонять от человека злые силы или же обеспечивать покровительство добрых сил; с точки зрения семейных отношений – укреплять связь между поколениями (когда сын получает имя отца и т. п.); с позиций эстетической оценки – обеспечивать благозвучное удобное произношение при обращении к носителю; в социальном аспекте – служить своеобразным мемориалом важным событиям (называние сына *Юрием* в честь полета Ю. Гагарина, *Гусом* или *Хиддингом* в честь победной игры нашей сборной и т. п.; ср. также *Лагшмивара* – «Лагерь Шмидта в Арктике» и под.). Немаловажную роль при выборе имени играют и те коннотативные смыслы, которыми обрастает имя в процессе его функционирования. Факторами формирования таких коннотативных смыслов можно признать следующие:

О специфике коннотативных смыслов имени собственного говорит Е. Л. Березович: «Имя, “нагруженное”... коннотациями (*коннотативное имя*), обозначает не только исходный единичный объект, но соотносится с другими явлениями действительности и входит в лингвокультурный фонд данного этноса. С точки зрения своей семантической структуры такое имя имеет усложненную модель семантики, поскольку эта модель включает в себя своеобразный горизонтальный разворот (спектр культурных коннотаций), который иначе может быть представлен как диапазон семантического «рассеивания» имени, создающийся при расширении его смысловой базы. Это расширение может происходить как в рамках того ономастического кода, к которому исходно принадлежит имя, так и при продвижении имени в

другие ономастические или апеллятивные коды. Трансформация смысловой базы коннотативного имени свидетельствует о его особом месте в народной картине мира; такое имя нередко становится *прецедентным*, поскольку отсылает к важному для данной традиции культурному прецеденту» [Березович, 2002, 60–61].

Замечания Е. Л. Березович о способах формирования коннотативных смыслов для топонимии [Там же, 61–64] могут быть распространены и на антропонимию. Во-первых, это символизация единичного смысла без изменения исходной денотации имени (символизация имени *Иван*). Во-вторых, может происходить «самоцитирование» ономастического кода, когда имя переносится на другое лицо (например, у А. С. Пушкина: *Второй Чадаев, наш Евгений...*). В-третьих, может осуществляться переход из ономастического кода в апеллятивный (*ванька* – извозчик), что, в свою очередь, добавляет к имени определенные коннотативные смыслы.

Это перекодирование, однако, осуществляется под действием целого ряда факторов. Одним из них, несомненно, является употребление имени в текстах художественной литературы. Известно, как повлияла поэтическая баллада В. Жуковского «Светлана» на судьбу этого имени [см. Душечкина, 2004], какую популярность имени *Татьяна* придало использование его в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и т. п. Известно также, что отец космонавта Германа Титова дал своим детям имена (Герман и Земфира) в честь пушкинских героев, что французский писатель Борис Виан получил свое имя от отца – страстного поклонника драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

Открытость собственных имен для насыщения фоновой культурной информацией обуславливает их возможность не только выступать в роли одного из действенных средств организации семантического объема художественного текста, взятого в его внутренней связанности и цельности и в его внешних содержательных связях, но и быть носителями определенного образа, важного для дальнейшего развития их семантики в повседневной жизни.

Вторым важным фактором такого формирования являются прецедентные имена известных в мировой и национальной истории общественных деятелей. Имя ассоциируется с определен-

ной исторической личностью, актуализирует в сознании читателя сведения энциклопедического характера. Возникающие при этом отыменные ассоциации разнообразны, они зависят от личного опыта личности. Так, имя *Александр* у одних вызывает необходимость сопоставления с Александром Македонским, у других – с русскими императорами или Александром Суворовым, у третьих – с Александром Розенбаумом. Однако основой отыменных ассоциаций являются единые для языковой общности в разные периоды развития прагматические коннотации, лингвострановедческая информация об известных каждому носителю языка явлениях культуры. Ср. высказывания: *Александр – имя царское, а он у тебя не царевич, чтоб так его называть* (при выборе имени ребенку); *А как зовут? О, Мария! Как Богородицу! Вот и пожалей бедняжку, подай побольше денежку* (нищий у храма); *Юрий Алексеевич? Космонавтом будешь!* (на переключке в школе).

Языковой реализацией накопленного национального опыта становятся народные паремии, включающие в себя имена собственные: пословицы, поговорки, загадки и т. п. (см. об этом, например [Двинятин, 2001]). Ср., например: *Любопытной Варваре в Москве нос оторвали; Федул губы надул; Хороша Маша, да не наша* и т. п. Употребление в них имен может быть мотивировано не только содержательно, но и формально (рифмой, паронимической аттракцией с нарицательными словами), и чисто бытийно (например, связью с конкретным днем почитания того или иного святого), однако в конечном счете факт этого употребления окрашивает имя определенными коннотациями и диктует особенности называния им и его употребления. Закрепленность имен в паремиях становится третьим важным фактором формирования его коннотаций.

Коннотативные смыслы формируются и в отантропонимических апеллятивах. Это процесс двусторонний: с одной стороны, апеллятивация имени оказывается обусловленной всеми предыдущими факторами в совокупности или одним из них (например, номинация фасона женского платья с завышенной талией *татьянка* спровоцирована модой первых десятилетий XIX в., т. е. времени появления романа «Евгений Онегин»; значение глагола *донкихотствовать* диктуется содержанием бессмертного

романа Сервантеса – ср. также название современного телешоу «Гордон-Кихот»; *толстовка* связана с фамилией Л.Н. Толстого и т. п.); с другой стороны – апеллятивы во многом определяют коннотативный фон антропонимов (ср. высказывания: *Не будем Иваном называть, будут ванькой-встанькой дразнить; Ох, Евдокия, дунька она и есть!* и т. п.).

Все перечисленные факторы «работают» на создание общего образа, подспудно сопровождающего имя и нередко «прорывающегося» в его истолкование и оценку. Немаловажную роль играет и доэтимологическое значение имени, если оно становится широко известным: в старой России знание антропонимического этимона было естественным явлением, поскольку происхождение имени комментировалось в святцах; в настоящее время много внимания этимологии личных имен уделяется и в популярной литературе. Разные факторы могут действовать «вразнобой», мешать созданию целостного образа. Например, имя *Василий* благодаря происхождению от греч. *basileus* «царственный» было любимо русскими князьями эпохи раннего русского православия и традиционно использовалось как княжеское престижное имя, в то время как *Василий Иванович*, по свидетельству В.И. Даля, в русских говорах выступает как именование «простого чувашина» [Даль, 1, 167].

Различные коннотации закрепляются за разными формами одного и того же имени: полные формы и гипокористики дают не всегда совпадающие коннотативные смыслы. Например, имя *Анна* чаще ассоциируется либо со своим этимоном (др.-евр. «благодать»), либо с Анной Ахматовой, а гипокористика *Нюра* – с необразованностью, грубостью и т.п.

Рассмотрим формирование коннотативных смыслов имени *Екатерина* и его производных на основании каждого из охарактеризованных в первой главе факторов.

Имя *Екатерина* и его производные в художественной литературе

Наиболее значимым для формирования коннотативного смысла имени *Екатерина* следует признать два произведения русской литературы: это драма А.Н. Островского «Гроза» и роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Об этой значимости говорят прежде всего объективные данные – пьеса Островского изучает-

ся в школе и известна практически каждому носителю русского языка, и Катерина – ее главный персонаж; роман Л. Толстого также широко известен русскому читателю (в том числе и школьнику), до сих пор помнится его экранизация, и судьба Катюши Масловой вызывает у читателя и зрителя горячий интерес и сочувствие. Поэтому есть все основания полагать, что связь с этими двумя героинями оказывает определенное влияние на восприятие имени. Необходимо, однако, учесть, что обычно в сознании пользователя ономастикона с определенным коннотативным значением закрепляется именно та форма имени, которая наиболее частотна в произведении – в данном случае это *Катерина* (Островский) и *Катюша* (Толстой). Проведенные предварительные опросы показали, что ассоциации с героинями Толстого и Островского реально существуют в современном обыденном сознании носителей языка, и это второй аргумент в пользу значимости литературных ассоциаций для восприятия имени.

Постараемся сформулировать содержательную направленность таких ассоциаций по отношению к каждому из образов.

Катерина Кабанова в «Грозе», благодаря Н.А. Добролюбову, олицетворяется в луче, сверкнувшем в «темном царстве», ее жизнь и гибель в школьном курсе русской литературы рассматриваются как протест искренней и сильной души против давящего гнета чужой тупой власти.

Правда, можно с уверенностью сказать, что немногие образы, созданные русской литературой, вызывали столь противоречивые и полярные суждения.

Так, если критик Н.Ф. Павлов почитал Катерину «безнравственной, бесстыжей женщиной, выбежавшей ночью к любовнику, как только муж уехал из дому», то писатель И.А. Гончаров поражен смелостью трагедии: «Увлечение нервной страстной женщины и борьба с долгом, падение, раскаяние и тяжкое искупление вины – все это исполнено живейшего драматического интереса и ведено с необычайным искусством и знанием сердца».

Хорошо известно и представление Д.И. Писарева о Катерине, который решительно отрицает какие бы то ни было «светлые стороны» этого характера и утверждает, что Катерина, «совер-

шив множество глупостей, бросается в воду и делает таким образом, последнюю и величайшую нелепость». Что же касается Н.А. Добролюбова, то он «увлекся симпатией к характеру Катерины и принял ее личность за светлое явление».

Однако самое существенное состоит не в спорах критиков, а в самой драме, где каждый поступок героини, каждое состояние ее души, реакция, слово отмечены жизненной правдой – внутренней, психологической. Даже сурово оценивающий Катерину Д.И. Писарев признавал: «Читая «Грозу» или смотря ее на сцене, вы не разу не усомнились в том, что Катерина должна была поступать в действительности именно так, как она поступает в драме».

В любви Катерины – так же как в ее искренней вере в Бога – находим мы глубочайшее и неоспоримое психологическое оправдание всех ее поступков, реальность, истинность героини «Грозы». Цельность и непосредственность богато одаренной натуры Катерины, ее высокая нравственность, неотрывная от религиозности, ее любовь и горячность характера, слитые воедино, и образуют сложный жизненно и эстетически живой и вполне реалистический образ.

Исходя из образа Катерины у Островского, можно прогнозировать создание для имени *Екатерина*, вернее, его народного варианта *Катерина*, коннотативных смыслов искренности, чистоты, решительности, горячности.

Катюша Маслова – героиня романа Л.Н. Толстого «Воскресение» (1889–1899). Автор подчеркивает значимость именно гипокористической формы имени для нее: «Дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери-скотнице в деревне». Барышни-помещицы воспитали девочку и сделали своей горничной: «из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем – не Катька и не Катенька, а Катюша».

Есть основания полагать, что на коннотативное содержание имени *Екатерина*, особенно его формы *Катюша* образ героини Л.Н. Толстого может оказать определенное влияние: здесь важны и портретная характеристика (глаза, как «мокрая смородина»), и душевные качества – открытость, радостное узнавание жизни (до расставания с Нехлюдовым), детская доверчивость.

Интересно, что особую судьбу образ Катюши Масловой имел в Японии, где ей посвятили печальную, трогательную песню «Катюша, родная, печально расставаться...», вошла в моду прическа «Катюша» (прямой пробор), именем Катюши называли шпильку для волос, расческу, обручальное кольцо, существовала даже гора под названием *Катюша*.

Мы ограничиваемся рассмотрением этих двух героинь русской художественной литературы, поскольку это персонажи наиболее широко известных произведений. Естественно, можно предположить, что на формирование коннотативных смыслов могли бы также оказать влияние образы Катерины Измайловой у Н. Лескова или Кати Татариновой из «Двух капитанов» В. Каверина. Отметим, однако, что особого приращения характеризующих черт эти героини не дают. Им в конечном счете присущи те же черты: решительность, открытость, страстность в любви. Вполне возможно, что сам выбор имени для героини для каждого из авторов был в той или иной степени мотивирован и ассоциациями с рассмотренными нами персонажами, хотя доказать это не представляется возможным.

Имя *Екатерина* как прецедентное

Если говорить об известных исторических личностях, носящих имя *Екатерина*, то, несомненно, речь идет прежде всего о Екатерине Великой, или Екатерине II. Русская императрица, прославившая себя как венценосная просветительница, явившая собой целую эпоху русской истории, в настоящее время очень популярна в России и особенно в Екатеринбурге, где большинство жителей именно с ней, а не с Екатериной I связывают название города. Впрочем, и первая российская императрица россиянам тоже хорошо известна и связь с нею также не может не оказывать влияние на восприятие имени *Екатерина*.

Ср. выдержку из одной из многочисленных публикаций в Интернете, посвященной имени *Екатерина*: «В представлении большинства людей «царское» имя. Кажется, даже в его звучании заключены определенная величавость и властность. Кроме того, заметную роль играет образ выдающейся российской императрицы Екатерины Великой. Безусловно, столь яркая личность способна повлиять на характер своей более скромной тезки...».

Отметим, что в данном случае ассоциативный фон создается вокруг полного официального имени – именно *Екатерина* (а не *Катерина*, *Катя*, *Катюша*) вызывает в памяти державный образ императрицы.

Прецедентность имени *Екатерина* как имени императрицы может развивать коннотативные смыслы «величественная», «властная», «благородная», «мудрая» и т. п.

Задействованность имени *Екатерина* в народных поговорках и песнях

Отметим, что имя *Екатерина* в поговорках практически не представлено. Отмеченное у В.И. Даля *Катя-Катерина, ножка голубина* [Даль, 1, 371] выглядит дразнилкой (ср. также *Марья-Марина, ножка голубина*), малопонятно по смыслу и не часто используется в употреблении.

В известной степени основой для формирования коннотативных смыслов может считаться казачья песня «Чернобровая казачка подковала мне коня...», где имя *Катя-Катя-Катерина*, слышащееся «из-под топота копыт» ассоциируется с красивой молодой гордой женщиной-казачкой, встреча с которой не забывается.

Наиболее активной в формировании коннотативного фона имени *Екатерина* можно считать советскую песню «Катюша», которая стала народной несмотря на явное авторство (музыка М. Блантера, слова М. Матусовского). Образ простой девушки с ласковым именем, верно ждущей своего любимого, вносит свои коррективы в восприятие имени *Екатерина* и диктует именно такую (*Катюша*) ласкательную форму его.

Апеллятивы от имени *Екатерина* и его производных

В литературном языке от имени *Екатерина* функционируют апеллятивы *катеринка* и *катенька* в значении ‘сторублевая ассигнация (с портретом Екатерины II)’ [ССРЛЯ, 5, 870]. В говорах находим *катерин* в том же значении, а также глагол *катеринить* ‘богатеть’ [СРНГ, 13, 127]. Конкретное лексическое значение слов и их бытийная мотивированность практически исключает возможность развития коннотаций для имени (отметим однако, что появление апеллятива, мотивированного именем императрицы, говорит о значимости ее образа для национальной

культуры), тем более, что в настоящее время слова вышли из употребления ввиду исчезновения обозначаемой ими реалии.

В русских народных говорах диапазон апеллятивов, образованных от форм имени *Екатерина*, более широк, ср.: *катеринка* ‘приспособление, которым шерстобит бьет шерсть’, ‘деревянный ворот на плоту’; ‘майский жук’; ‘кукла из тряпок, сшитая в честь умершего родственника’ [СРНГ, 13, 127], *катька*, *катя* ‘кукла’, *катька* ‘рыба-подкаменщик’ [СРНГ, 13, 137]. Тем не менее, особой новой информации они не дают уже в силу большого разброса значений. Очевидно, можно говорить о малой значимости отыменных апеллятивов для формирования коннотативных смыслов имени *Екатерина*.

Доономастическое значение имени *Екатерина*

Имя традиционно возводится к греческому *katharios* ‘чистый’ и толкуется как «непорочная» [Петровский, 108]. Очевидно, именно такое доономастическое значение оказало влияние на выбор имени для героини у Островского и Толстого: в обоих случаях в произведениях подчеркивается душевная чистота героини, несмотря на те ситуации, в которые она попадает (фактическая измена мужу в «Грозе»; проституция и участие в убийстве в «Воскресении»).

Объединим предполагаемые коннотативные смыслы в таблицу:

Факторы формирования коннотативных смыслов	Конкретный материал, формирующий коннотативные смыслы	Коннотативные смыслы	Форма имени, для которой возможен данный коннотативный смысл (смыслы)
Использование имени в литературных произведениях	Образ Катерины в драме А. Н. Островского «Гроза»	Искренняя, горячая, решительная, любящая; темные волосы, типичная русская внешность.	Екатерина, Катя
	Образ Катюши	Доверчи-	Катюша

	Масловой в романе «Воскресение Л. Н. Толстого	вая, мягкая, любящая; черные глаза, «как мокрая смородина»	
Прецедент – историческая личность	Екатерина II и Екатерина Первая	Величественная, мудрая, властная; гордая царственная осанка	Екатерина
Паремии, песни	Катя-Катерина, ножка голубина	–	–
	Песня о казачке	Решительная, бескорыстная, веселая, незабываемая; внешне – типичная казачка	Катя, Катерина
	«Катюша»	Мягкая, добрая, любящая, простая, верная	Катюша
Отантропонимические апеллятивы	<i>Катеринка, катерин</i> ‘сторублевая асигнация’, <i>катеринка</i> ‘приспособление, которым шерстобит бьет шерсть’, ‘деревянный ворот на плоту’; ‘майский жук’; ‘кукла из тря-	–	–

	пок, сшитая в честь умершего родственника', <i>катька</i> 'рыба-подкаменщик'		
	<i>катька, катя</i> 'кукла',	Кукла	Катя, Катька
Доономастическое значение	«непорочная»	Чистая, непорочная	Любая форма имени

Выявленные смыслы входят в некоторое противоречие с тем портретом имени, который представлен в многочисленных публикациях в Интернете, ср. (немотивированные коннотативным фоном имени черты подчеркнуты; связанные с коннотативным фоном выделены курсивом):

«Екатерина уже ребенком себе на уме. Она запаслива и чуть жадновата. Если Катенька побывала в гостях, в ее карманах обязательно по возвращении домой окажутся конфета или яблоко. В общении с Катей всегда следует учитывать ее самолюбие. Так как Катя самолюбива, она болезненно переносит чье-то превосходство, в классе одна из лучших учениц и стремится дружить с теми, кто составляет элиту класса, пользуется силой и авторитетом. Впрочем, чаще всего она хорошо понимает добрый юмор, да и *сама не прочь пошутить* [ср. песня о казачке]. А вот если удастся поговорить с ней по душам, то вполне возможно, Вы будете искренне удивлены, открыв в ней незаметные окружающим качества.

Обладает нерешительным характером; сказанное в особенности касается «весенних» Екатерин. Бравада, экстравагантность в поведении и одежде не такое уж редкое явление у Кати, особенно это проявляется в экстремальных ситуациях.

Екатерина долго не выходит замуж, хотя поклонников у нее хоть отбавляй. Свое внимание она остановит на том, кто близок ей по психологическому складу. *Тревожность* Екатерины, ее *внутреннее беспокойство* (ср. Катерина в «Грозе». – М. Р.) уси-

ливаются по самым незначительным поводам, что может послужить причиной импульсивных, на первый взгляд, поступков. Екатерине нужен муж, который помог бы ей чувствовать себя в жизни уверенно. Екатерины *фантазерки*, у них хорошо развито воображение. Они обычно неплохо устраиваются в жизни, правда, хозяйки они далеко не образцовые. Им также не всегда удается правильно воспитывать детей. Достаточно хорошо успевают в любом виде деятельности, предпочтения в выборе профессии чему-то конкретному не отдают».

Как видно, хотя некоторая переключка данной характеристики и наших выводов налицо, в основном выделенные черты носительницы имени никак не мотивированы.

С целью выявления реального коннотативного фона имени Екатерина и его производных было проведено два психолингвистических эксперимента⁴, в которых было задействовано 19 человек. Испытуемыми были люди разного возрастного (от 18 до 50 лет) и социального (от менеджера до руководителя компании) статуса, среди них было пять испытуемых мужского пола и четырнадцать женского пола. Были использованы две разные психолингвистические методики, такие, как метод семантического шкалирования (семантического дифференциала по Ч. Осгуду) и метод свободного ассоциативного эксперимента.

Метод семантического шкалирования оказался весьма продуктивным при анализе отдельных антропонимических единиц.

Для первого эксперимента было использовано имя *Екатерина* и его народная форма *Катерина*, а также его производные: *Катя*, *Катюша*, *Катька*. Испытуемым было предложено оценить заданное имя и его формы в соответствии со следующими объединенными в антонимические пары признаками: *большой/маленький*, *сильный/слабый*, *благородный/подлый*, *умный/глупый*, *хороший/плохой*, *добрый/злой*, *жесткий/мягкий*, *активный/пассивный*. Наличие пар, явно коррелирующих друг с другом (*благородный/подлый*, *умный/глупый*, *хороший/плохой*, *добрый/злой*, *жесткий/мягкий*, *активный/пассивный* и др.), не было случайным и послужило основой для выводов о целостно-

⁴ Эксперименты проведены и их данные обработаны Н.П. Бубенщиковой.

сти восприятия (или отсутствия такового) данного личного имени отдельным участником эксперимента.

Полученные результаты эксперимента представлены в сводной таблице:

Параметры	Количество ответов				
	Екатерина	Катерина	Катя	Катюша	Катька
Большая/ маленькая	18 1	8 11	9 1	4 15	7 12
Сильная/ слабая	16 3	11 8	8 11	7 12	15 4
Умная/ глупая	16 3	15 4	13 6	12 7	8 11
Плохая/ хорошая	7 12	7 12	5 14	2 17	15 4
Добрая/ злая	11 8	14 5	12 7	16 3	6 13
Благородная/ подлая	16 2	14 5	12 7	17 2	5 14
Жесткая/ мягкая	14 5	6 13	10 9	5 14	17 2
Активная/ пассивная	12 7	12 7	13 6	7 12	17 2

Приведенные данные весьма красноречиво подтверждают тезис о наличии у имен собственных особого прагматического (коннотативного) значения. Причем очевидно, что значения эти варьируют при переходе от одной формы имени к другой, что позволяет говорить о некоем семантическом портрете не столько антропонимической единицы, сколько отдельной антропонимической формы.

Вряд ли случайно более 70% респондентов совпали в оценке форм: *Екатерина* – большая, сильная, умная хорошая, благородная; *Катерина* – умная, добрая благородная, мягкая; *Катя* – умная, хорошая добрая, активная; *Катюша* – маленькая, слабая, умная, хорошая, мягкая, пассивная; *Катька* – маленькая, сильная, глупая, плохая, злая, подлая, жесткая, активная.

Что касается цифровых показателей внутри отдельных бинарных оппозиций, то здесь наблюдаются две ситуации:

1. Явное преобладание одного из параметров (*Екатерина* – большая 18/маленькая 1; *Катя* – умная 15/глупая 4; *Катюша* – активная 17/пассивная 2; *Катька* – жесткая 17/мягкая 2 и т.д.).

2. «Размытость» характеристик, практически полное тождество (*Екатерина* – добрая 11/злая 8; *Катерина* – большая 8/маленькая 11; *Катя* – жесткая 10/мягкая 9 и т.д.)

Первая ситуация более частотна, что может свидетельствовать о наличии в сознании реципиентов общих стереотипов в восприятии той или иной формы личного имени *Екатерина*.

Наличие же второй ситуации свидетельствует о том, что знакомое всем имя *Екатерина* и его формы в сознании каждого отдельного человека может иметь и индивидуально специфические коннотативные характеристики и смыслы.

Вторым выбранным нами типом эксперимента стал свободный ассоциативный эксперимент, теоретической основой которого является концепция ассоциативного поля, разработанная Дж. Дизом.

В нашем случае стимулами послужили имена *Екатерина*, *Катерина*, *Катя*, *Катюша*, *Катька*, которые предъявляются для получения ассоциативных реакций.

Той же группе испытуемых было предложено по пять секунд на каждое слово-стимул; они должны были дать первые пришедшие им в голову ассоциации, не обдумывая свой выбор.

Рабочая гипотеза данного эксперимента может быть сформулирована следующим образом: разные формы одного и того же имени имеют разный коннотативный фон, о чем свидетельствуют различные ассоциативные поля предложенных имен-стимулов.

Результаты эксперимента выглядят следующим образом

Слово – стимул *Екатерина*

Великая – 12 человек

Императрица – 7 человек

Сильная – 3 человека

Властная – 2 человека

Первая – 2 человека

Власть – 2 человека

Царица – 1 человек

Официальность – 1 человек

Благородство – 1 человек

Красота – 1 человек

Смелая – 1 человек

Жестокая – 1 человек
Уверенная – 1 человек
Правительница – 1 человек
век
Премудрая – 1 человек
Государство – 1 человек
Мама – 1 человек
Слово-стимул **Катерина**
Героиня «Грозы» – 4 человека
«Луч света в темном царстве» – 4 человека
Умная – 1 человек
Интересная – 1 человек
Подруга – 1 человек
Своенравная – 1 человек
Упрямая – 1 человек
Живая – 1 человек
Соседка – 1 человек
Неполное слово – 1 человек
век
Слово-стимул **Катя**
Кукла – 9 человек
Подруга – 3 человека
Строгая – 1 человек
Строгость – 1 человек
Забавная – 1 человек
Сдержанная – 1 человек
Надежная – 1 человек
Простая – 1 человек
Ум – 1 человек
Умная – 1 человек
Слово-стимул **Катюша**
Добрая – 5 человек
Мягкая – 3 человека
Военная машина – 3 человека
ловека

Королева – 1 человек
Вторая – 1 человек
Учительница первая моя
– 1 человек
Взрослая жесткая женщина – 1 человек

Строгая девушка – 1 человек
Коллега – 1 человек
Независимая – 1 человек
Воробей – 1 человек
Слабая – 1 человек
Безвольная – 1 человек
Загадочная – 1 человек
Хит – 1 человек
Женщина средних лет,
которая коня на скаку остановит в избу горячую войдет – 1 человек

Кошка – 1 человек
Смелая – 1 человек
Вася – 1 человек
Одноклассница – 1 человек
век
5 лет – 1 человек
Моя сестра – 1 человек
Персонаж из прошлого – 1 человек

Боевая машина – 2 человека
Нежная – 2 человека
Миномет – 2 человека

Маленькая девочка – 2
человека
Милая – 1 человек
Хорошая – 1 человек
Заботливая – 1 человек
Нежность – 1 человек
Доброта – 1 человек
Честность – 1 человек
Маленькая – 1 человек
Слово-стимул **Катька**
Смешная – 3 человека
Веселая девочка – 2 че-
ловека
Девка – 2 человека
Лучшая подруга – 2 че-
ловека
Симпатичная – 1 человек
Отчаянность – 1 человек
Несерьезная – 1 человек
Обыкновенная – 1 чело-
век
Кукла – 1 человек
Игра – 1 человек
Заигрывание – 1 человек
Пацанка – 1 человек
Хулиганка – 1 человек
Двор – 1 человек
Пиво – 1 человек
Пацаны – 1 человек
Маленькая – 1 человек
Рыжая – 1 человек
Искренняя – 1 человек
Сорвиголова – 1 человек
Хитрая – 1 человек
Болтушка – 1 человек
Сестра – 1 человек
Себе на уме – 1 человек
Раскованная – 1 человек

Умиление – 1 человек
Лучшая подруга – 1 че-
ловек
Маслова – 1 человек
Система залпового огня
– 1 человек
Машина – 1 человек
Война – 1 человек
Смерть – 1 человек
Незначительная – 1 че-
ловек
Стервозная девчонка – 1
человек

Нетрудно заметить, что для полного имени *Екатерина* преобладающими оказываются реакции, связанные с семантикой власти: *великая, сильная, императрица, уверенная, правительница, премудрая, государство, царица, королева, власть*; для формы *Катерина* наиболее активны ассоциации с драмой А. Н. Островского (*героиня «Грозы», «Луч света в темном царстве»*); для формы *Катя* велик разброс семантики слов-реакций, но выделяется реакция, связанная с апеллятивом *кукла*; остальные реакции индивидуальны и связаны, очевидно, с конкретными носительницами данного имени; для формы *Катюша* превалируют реакции, связанные с ракетной установкой (*военная машина, боевая машина, система залпового огня, миномет, машина, война, смерть*), и противопоставленные им ассоциации, развивающие образ, обусловленный формой имени (*добрая, мягкая, милая, хорошая, заботливая, нежность, доброта, честность, маленькая, умиление, маленькая девочка*); наконец, для формы *Катька* несмотря на кажущийся разброс ассоциаций, практически все они складываются в единый образ легкомысленной девчонки: *смешная, веселая, симпатичная, отчаянность, несерьезная, незначительная, стержовная девчонка, обыкновенная, игра, заигрывание, вредная девчонка, веселая девчонка, девка, пацанка, хулиганка, маленькая, рыжая, искренняя, сорвиголова, хитрая, болтушка, себе на уме, раскованная, двор, пиво, пацаны*.

Результаты экспериментов показывают, что имя *Екатерина* и его формы существуют в сознании носителей русского ономастикона как вполне значимые в коннотативном плане единицы и что предложенные нами факторы формирования этих смыслов вполне адекватны экспериментальному материалу. Коннотации полной формой имени целиком обусловлены отсылкой к прецеденту – русской императрице, для формы *Катерина* превалирует литературный прототип, для формы *Катюша* главной оказывается отапеллятивная ассоциация, для формы *Катька* особое значение приобретает формальный фактор (наличие уменьшительно-пренебрежительного суффикса), что касается наиболее нейтральной формы *Катя*, то она фактически не имеет определенных коннотативных смыслов, кроме отапеллятивного «кукла».

Литература

Березович Е. Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. – М., 2002. № 6. С. 60–71.

Двинятин Ф. Н. Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф., Москва, 30 января–2 февраля 2001 г. Часть 2. – М., 2001. С. 143–145.

Душечкина Е. В. Имя дочери «вождя всех народов» // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 100–107.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1994.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л., 1969–. Вып. 1–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., Л., 1948–1965.

©Рут М.Э., 2008